

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ В ТРЕХ РЕДАКЦИЯХ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Е.А.Федорова (Гаричева)

SEARCHING FOR RUSSIAN SPIRITUALITY IN THREE EDITIONS OF THE LIFE OF ST. SERGIUS OF RADONEZH

Е.А.Fedorova (Garicheva)

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, sole11@yandex.ru

В статье показан поиск национальных основ русской духовности в трех редакциях Жития Сергия Радонежского. Доминирующими мотивами агиографических произведений являются смирение и страдание, чистота, невинность как возвращение в райское состояние и способность к духовному сопротивлению злу.

Ключевые слова: древнерусская словесность, агиография, евангельские аллюзии и метафоры

The paper explores foundations for Russian spirituality in three editions of the Life of St. Sergius of Radonezh. Dominant motives of hagiographical works are humility and suffering, purity, innocence as way to return to heaven, and ability to resist evil.

Keywords: Old Russian literature, hagiography, evangelical allusions and metaphors

В произведениях древнерусской словесности обозначилась одна из ее главных оппозиций — все-ленское и родное. Так, в «Слове о Законе и Благодати» первого русского митрополита Илариона князь Владимир показан как Равноапостольный для своего народа, а Русь — как преемница Византии. Размышляя о своеобразии русской духовности, Вяч.Иванов в статье «Лик и личины России» писал: «Признание святости за высшую ценность — основа народного мирозерцания и знамя тоски народной по Руси святой. Православие и есть соборование со святынею и соборность вокруг святых» [1].

В редакции Жития Преподобного Сергия Радонежского Пахомия Логофета (XV в.), Четых-Миней Митрополита Макария (XVI в.) и Димитрия Ростовского (XVII в.) наряду с изображением вечного евангельского идеала проявляются и поиски национальных основ русской духовности.

В XV веке, после завоевания Византии Османской империей, усиливается потребность подчеркнуть традиционность Русской Церкви. В редакции Пахомия Логофета во вступлении Русь сопоставляется с Иерусалимом: «Откуда си таковы свѣтильники въсиа: еде от Иерусалима или от Гинаа? Ни, рече, нь рускаа и велика земля» [2, 294]. Пахомий Логофет рассказывает о первых чудесах преподобного Сергия — умножение хлебов в монастыре и изведение источника — как чудесах, данных еще Моисею, когда он вел свой народ в землю обетованную: «Гѣм же молимся мы, грѣшнии и недостонни рабы твои, услыши нас въсиа час и яви славу свою, якоже въ пустыни чюдо дѣйствоваше Моисеом крѣпкаа ти дѣсица, от камени твоимъ повелѣниемъ воду источи, такожде и зде яви силу твою» [2, 301]. В Похвальном слове святому после его успеха Пахомий Логофет сравнивает преподобного Сергия Радонежского с «пастырем многим людям» Моисеем [2, 314]. Подобно тому, как Моисей

вел свой народ в землю обетованную, Сергий Радонежский создавал обитель в земле Русской, где можно было причащением святых даров преобразиться в земной жизни.

Во фресковых росписях самого раннего храма преп. Сергия Радонежского XV века, который находится в кремле Великого Новгорода, житийный эпизод «Изведение источника» показан необычно: Преподобный держит лопату, с помощью которой он открывает родник. Видимо, для Пахомия Логофета важно было показать, что источник был изведен молитвой святого. В Толковой Палее, которую иногда называют средневековой энциклопедией богословских знаний, утверждается, что чудеса даются по молитве, как это было с «первым чудотворцем» Моисеем.

Ключевым в житии редакции Пахомия Логофета является образ «духовной трапезы» [3, 98; 2, 294], который раскрывается через евхаристические символы: «Се духовная трапеза прѣдлежитъ. Се хлѣби неистыцаема пища и масло милования. Се цѣломудренаа пшеница и вино, дѣшѣ и тѣловеселеще» [2, 294]. В Евангелии от Иоанна «хлебом жизни» называет себя Спаситель (6:35). Сюжетный мотив «хлеба неистощаемого» проходит через все жития и разворачивается в эпизодах чудесного появления хлеба в обители Сергия Радонежского во время голода по его молитве [2, 300].

Еще один мотив связан с преподобным Сергием Радонежским в его житиях — это источник. В Евангелии от Иоанна Спаситель говорит самарянке у колодезя: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, но вода, которую я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (4:14). После чуда изведения источника преподобный Сергий запретил называть источник его именем: «Не возъзъ дах воду сию, нь Господь дарованамъ недостоннимъ» [2, 301]. После описания в житии устройства обители и завещания помо-

щи нищим и странникам Пахомий Логофет создает метафорический образ, который переносится в Великие Четьи-Минеи митрополита Макария: «Рѹка же емѹ бѣ простѣ такъ требѹющимъ, яко река многоводна и тиха струями [2, 305].

Главным мотивом жития преподобного Сергия Радонежского во всех редакциях является свет или огонь. Пахомию Логофету, выходцу с Афона, важно видеть в русском святом человека, сумевшего «умной молитвой» достичь преобразования в земной жизни, поэтому он подчеркивает безмолвие, исихазм Преподобного. В Евангелии от Иоанна говорится: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (1:9). Во вступлении к Житию Сергия Радонежского Преподобный называется «божественным огнем, который греховные тернии сжигает» [2, 294]. Встреча отрока Варфоломея со святым старцем происходит в дубраве, куда отрок удался, любя безмолвие [2, 295]. Старец отверзает уста отрока для премудрости, будучи Ангелом Господним — Пахомий Логофет сравнивает его с пророком Исайей: «Бысть же якоже нѣкогда пророку Исани от серафима угольное прикосновение, тако и семѹ дивномѹ отроку» [2, 296]. Преподобный Сергей говорит брату Стефану о желании учиться безмолвию в пустыни [2, 298], затем он показан безмолвствующим в своей келии, когда вокруг него собираются братья [2, 299], а когда обитель разрастается, он трудится «с молчанием» [2, 299]. «Умная молитва» в безмолвии приводит к стяжанию Святого Духа. Во время искушения преподобный Сергей побеждает бесов молитвой. Пахомий Логофет замечает: «Молитва бо святого изъѹстъ яко пламени изъшедше, абиетехъ попали и невидимыми отнѹд сътвори» [2, 298]. Такой же огонь, исходящий от преподобного, пугает беснующегося вельможу [2, 302], его видит Исакий исходящим от руки Сергия Радонежского [2, 305], а Симону открывается, как во время литургии божественный огонь свитком входит в потиру, из которой причащается Преподобный [2, 312].

Поиски национальных основ русской духовности усиливаются в XVI—XVII вв. В Великих Четьих-Миней митрополита Макария отражением временного оказывается то, что во время искушения Преподобного в пустыни «полкъ всовкій явился въ остроконачныхъ шапкахъ и одеждахъ Литовскихъ» [3, 397]. Обычно «остроконачные шапки» у древнерусских книжников соотносились со скomorохами, но в данном случае показательным становятся напряженные отношения с западными соседями. В эту редакцию добавляется эпизод «Сергий Радонежский и медведь», которого не было у Пахомия Логофета: «въ этомъ мирномъ обращеніи съ свирепою тварію созерцал слѣды первоначальнаго повиновенія всехъ тварей невинномѹ человекѹ» [3, 400]. Возможно, в близости святого к природе проявляется усиление русских связей с Востоком. Также в Великих Четьях-Миней, в отличие от жития Пахомия Логофета, преподобный Сергей Радонежский показан как строгий надзиратель за братией монастыря и судия. Когда лихоимный человек обидел своего соседа и отнял у него выкормленного им борова, не

отдав денег, Преподобный задал ему вопрос: «Вѣрѹетъ ли, что Богъ есть сѹдія праведнымъ и грѣшнымъ, отецъ сирымъ и вдовицамъ, готовый на отмщениѣ, и что страшно впасть въ его рѹки? [3, 441]. В XVI веке происходит централизация русских земель и усиление царской власти, поэтому важным в образе Преподобного становится его способность быть духовным руководителем.

В редакции жития Дмитрия Ростовского отражаются реалии Смутного времени: осада Троицкого монастыря поляками, ополчение купца Козьмы Минина и князя Пожарского. Дмитрий Ростовский, как заметил протоиерей Павел Хондзинский, показывает русский народ как страстотерпец [4]. Так, защитники Лавры, воодушевляемые видением Сергия Радонежского, жертвуют собой, идя по стопам Спасителя: «больши сея любве никтоже имать, да кто дѹшѹ свою положитъ за дрѹги своя» [5, 558]. Св. Дмитрий Ростовский не идеализирует русский народ, называет его грешным, но верит в заступничество за него Пресвятой Богородицы и Преподобного Сергия Радонежского: «...Всемогушій Господь, не хотѹя смерти грѣшника, призрел Своимъ милосерднымъ окомъ на Русское государство, спасъ и сохранилъ его, по молитвамъ славнаго Своего угодника преподобнаго Сергія» [5, 562].

Таким образом, все редакции Жития преподобного Сергия Радонежского несут реалии своего времени и находят «родное» в образе русского святого: исихазм и смирение у Пахомия Логофета, чистота, невинность как возвращение в райское состояние и способность к духовному сопротивлению злу у митрополита Макария, страстотерпие и молитвенное заступничество за землю Русскую у Дмитрия Ростовского.

1. Иванов Вяч. Ликъ и личины Россіи. Къ изслѣдованію идеологіи Достоевскаго [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/ivanov/2_lifetime/rodnoe/014.htm.
2. Житие и жизнь преподобного отца нашего богоноснаго Сергія, въ немже имать и от божествѣнныхъ чудесъ его. Съписано священноинокомъ Пахомиемъ свѣтѣя горы. Благослови отче // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LVIII / Отв. ред. Н.В.Понырко. СПб.: Наука, 2007.
3. Жития Святыхъ Россійской Церкви, Иверскихъ и Славянскихъ. Мѣсяць сентябрь. СПб., 1855. 588 с.
4. Хондзинский Павел, протоиерей. Святитель Дмитрий Ростовский и Ф.М.Достоевский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия Богословие. Философия. М., 2012. № 5 (43). С. 23-32.
5. Жития святыхъ, на русскомъ языкѣ, изложенные по руководству Четьихъ-Миней св. Дмитрія Ростовскаго. Книга первая. М.: Синодальная типографія, 1903. 704 с.

References

1. Ivanov V. Lik i lichiny Rossii. K" izsl'dovaniyu ideologii Dostoevskago [Holy face and masks of Russia. On the study of Dostoevsky's ideology] Available at: http://www.rvb.ru/ivanov/2_lifetime/rodnoe/014.htm (accessed 02.11.2014).
2. Ponyrko N.V. (ed.). Zhitia i zhizn prepodobnogo ottsa nashego bogonosnogo Sergia, v nemge imat I ot bogestvvenih chyudes ego. S"pisano svyashchennoinokom Pakhomiem" svyatia gory. Blagoslovi otche [The life of our

- father God-bearing Sergius written by a monk Pahomiy]. Proc. of the Department of Old Russian Literature, vol. 58. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007.
3. Zhitia Svyatyyh Rossiskoy Tserkvi, Iverskih i Slavyanskikh. Msyats sentyabr [Lives of the Saints of the Russian Church, Iberian and Slavic. September]. Saint Petersburg, 1855. 588 p.
 4. Archpriest Pavel Khondzinsky. (2002). Sviatitel Dmitriy Rostovskiy i F.M.Dostoevskiy [St. Dimitry of Rostov and F.M. Dostoevsky]. Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya Bogoslovie. Filosofiya, 2012, no. 5 (43), pp. 23-32.
 5. Zhitia svyatih, na russkom yazike. Izlogennye po rukovodstvu Chetih-Miney sv. Dmitriya Rostovskogo. [Lives of Saints, in Russian, compiled in accordance with Great Menaion Reader by St. Dimitry of Rostov]. Book 1. Moscow, The Synodal Printing House, 1903. 704 p.